

Нам-Бок - Лжец - Английский И Русский Параллельные Тексты

Джек Лондон

• Дети мороза, #3

Джек Лондон. Нам-Бок Лжец

NAM-BOK THE UNVERACIOUS	Джек Лондон. Нам-бок - лжец
"A Bidarka, is it not so!	- Байдарка, правда, байдарка!
Look! a bidarka, and one man who drives clumsily with a paddle!"	Байдарка, и в ней человек! Глядите, как неуклюже он ворочает веслом!
Old Bask-Wah-Wan rose to her knees, trembling with weakness and eagerness, and gazed out over the sea.	Старая Баск-Ва-Ван приподнялась на коленях, дрожа от слабости и волнения, и посмотрела в море.
"Nam-Bok was ever clumsy at the paddle," she maundered reminiscently, shading the sun from her eyes and staring across the silver-spilled water.	- Нам-Бок всегда неуклюже работал веслом, - пробормотала она в раздумье, прикрыв ладонью глаза от солнца и глядя на сверкающую серебром поверхность воды.
"Nam-Bok was ever clumsy.	- Нам-Бок всегда был неуклюжим.
I remember...."	Я помню...
But the women and children laughed loudly, and there was a gentle mockery in their laughter, and her voice dwindled till her lips moved without sound.	Но женщины и дети громко расхохотались, и в их хохоте слышалась добродушная насмешка; голос старухи затих, и только губы шевелились беззвучно.
Koogah lifted his grizzled head from his bone-carving and followed the path of her eyes.	Кугах оторвался от своей работы (он был занят резьбой по кости), поднял голову и посмотрел туда, куда указывал взгляд Баск-Ва-Ван.
Except when wide yawns took it off its course, a bidarka was heading in for the beach.	Да, это была байдарка, она шла к берегу, хотя временами ее и относило далеко в сторону.
Its occupant was paddling with more strength than dexterity, and made his approach along the zigzag line of most resistance.	Сидевший в ней греб решительными, но неумелыми движениями и приближался медленно, словно сознательно ставя лодку вдоль волны.
Koogah's head dropped to his work again, and on the ivory tusk between his knees he scratched the dorsal fin of a fish the like of which never swam in the sea.	Голова Кугаха снова склонилась над работой: на моржовом бивне он вырезал спинной плавник такой рыбы, какие никогда не плавали ни в одном море.
"It is doubtless the man from the next village," he said finally, "come to consult with me about the marking of things on bone.	- Это, наверно, мастер из соседнего селения. Хочет посоветоваться со мной, как вырезать на кости разные изображения, - сказал он наконец.
And the man is a clumsy man.	- Но он неуклюжий человек.
He will never know how."	Никогда он не научится.
"It is Nam-Bok," old Bask-Wah-Wan repeated.	- Это Нам-Бок, - повторила старая Баск-Ва-Ван.
"Should I not know my son!" she demanded shrilly.	- Неужели я не узнаю своего сына? -раздраженно выкрикнула она.
"I say, and I say again, it is Nam-Bok."	- Говорю вам: это Нам-Бок.
"And so thou hast said these many summers," one of the women chided softly.	- Ты это говорила каждое лето, - ласково стала увещевать ее одна из женщин.
"Ever when the ice passed out of the sea hast thou sat and watched through the long day, saying at each chance canoe,	- Чуть только море очистится ото льда, ты садилась на берегу и целыми днями смотрела в море; и про всякую лодку ты говорила:

' This is Nam-Bok.'	"Это Нам-Бок".
---------------------	----------------

Nam-Bok is dead, O Bask-Wah-Wan, and the dead do not come back.	Нам-Бок умер, о Баск-Ва-Ван, а мертвые не возвращаются.
It cannot be that the dead come back."	Невозможно, чтобы мертвый вернулся.
"Nam-Bok!" the old woman cried, so loud and clear that the whole village was startled and looked at her.	- Нам-Бок! - закричала старуха так громко и пронзительно, что все с удивлением оглянулись на нее.
She struggled to her feet and tottered down the sand.	Она с трудом встала на ноги и заковыляла по песку.
She stumbled over a baby lying in the sun, and the mother hushed its crying and hurled harsh words after the old woman, who took no notice.	По дороге она споткнулась о лежащего на солнышке младенца, мать бросилась унимать его и пустила вслед старухе грубые ругательства, но та не обратила на нее внимания.
The children ran down the beach in advance of her, and as the man in the bidarka drew closer, nearly capsizing with one of his ill-directed strokes, the women followed.	Ребятишки, обгоняя ее, помчались к берегу, а когда байдарка, едва не опрокинувшись из-за неловкости гребца, подъехала ближе, за ребятишками потянулись и женщины.
Koogah dropped his walrus tusk and went also, leaning heavily upon his staff, and after him loitered the men in twos and threes.	Кугах отложил моржовый клык в сторону и тоже пошел, тяжело опираясь на свою дубинку, а за ним по двое и по трое двинулись мужчины.
The bidarka turned broadside and the ripple of surf threatened to swamp it, only a naked boy ran into the water and pulled the bow high up on the sand.	Байдарка повернулась бортом, и ее непременно захлестнуло бы прибоем, если б один из голых юнцов не вбежал в воду и не вытащил ее за нос далеко на песок.
The man stood up and sent a questing glance along the line of villagers.	Человек поднялся и пытливо оглядел стоявших перед ним жителей селения.
A rainbow sweater, dirty and the worse for wear, clung loosely to his broad shoulders, and a red cotton handkerchief was knotted in sailor fashion about his throat.	Грязная и изношенная полосатая фуфайка свободно облегла его широкие плечи, шея по-матросски была повязана красным бумажным платком.
A fisherman's tam-o'-shanter on his close-clipped head, and dungaree trousers and heavy brogans completed his outfit.	Рыбачья шапка на коротко стриженной голове, грубые бумажные штаны и тяжелые сапоги дополняли его наряд.
But he was none the less a striking personage to these simple fisherfolk of the great Yukon Delta, who, all their lives, had stared out on Bering Sea and in that time seen but two white men,-the census enumerator and a lost Jesuit priest.	Несмотря на все это, он был удивительным явлением для рыбаков с дельты великого Юкона: всю жизнь перед глазами у них было Берингово море, и они видели только двух белых - переписчика населения и заблудившегося католического священника.
They were a poor people, with neither gold in the ground nor valuable furs in hand, so the whites had passed them afar.	Они были народ бедный - ни золота в их земле не было, ни ценных мехов на продажу, поэтому белые и близко не подходили к их берегу.
Also, the Yukon, through the thousands of years, had shoaled that portion of the sea with the detritus of Alaska till vessels grounded out of sight of land.	К тому же в этой стороне моря тысячами скоплялись наносы горных пород Аляски, так что корабли садились на мель, даже еще не увидев земли.

So the sodden coast, with its long inside reaches and huge mud-land archipelagoes, was avoided by the ships of men, and the fisherfolk knew not that such things were.	Вследствие этого болотистое побережье с глубокими заливами и множеством затопляемых островков никогда не посещалось большими кораблями белых людей, и рыбацье племя не имело понятия об их существовании.
Koogah, the Bone-Scratcher, retreated backward in sudden haste, tripping over his staff and falling to the ground.	Кугах-Резчик внезапно побежал, зацепился за собственную дубинку и упал.
"Nam-Bok!" he cried, as he scrambled wildly for footing.	- Нам-Бок! - закричал он отчаянно, стараясь подняться.
"Nam-Bok, who was blown off to sea, come back!"	- Нам-Бок, унесенный морем, вернулся!
The men and women shrank away, and the children scuttled off between their legs.	Мужчины и женщины попятились, ребятишки обратились в бегство, прошмыгнув между ног взрослых.
Only Opee-Kwan was brave, as befitted the head man of the village.	Один Опи-Куон, как и подобает старшине селения, проявил храбрость.
He strode forward and gazed long and earnestly at the newcomer.	Он вышел вперед и долго и внимательно разглядывал пришельца.
"It is Nam-Bok," he said at last, and at the	- Это в самом деле Нам-Бок, - сказал он наконец, и

conviction in his voice the women wailed apprehensively and drew farther away.	женщины, поняв по его голосу, что сомнений больше нет, завyli от суеверного ужаса и отступили еще дальше.
The lips of the stranger moved indecisively, and his brown throat writhed and wrestled with unspoken words.	Губы пришельца нерешительно раскрылись, и смуглый кадык задвигался, словно сияясь вытолкнуть застревавшие слова.
"La, la, it is Nam-Bok," Bask-Wah-Wan croaked, peering up into his face.	- Ля-ля, это Нам-Бок! - бормотала Баск-Ва-Ван, заглядывая ему в лицо.
"Ever did I say Nam-Bok would come back."	- Я всегда говорила, что Нам-Бок вернется.
"Ay, it is Nam-Bok come back."	- Да, Нам-Бок вернулся.
This time it was Nam-Bok himself who spoke, putting a leg over the side of the bidarka and standing with one foot afloat and one ashore.	На этот раз говорил сам Нам-Бок; он перешагнул через борт и стоял одной ногой на суше, другой - на байдарке.
Again his throat writhed and wrestled as he grappled after forgotten words.	Опять его горло напряглось, и видно было, что он с трудом подыскивает забытые слова.
And when the words came forth they were strange of sound and a spluttering of the lips accompanied the gutturals.	И когда он их наконец выговорил, они были странны на слух, и гортанные звуки сопровождались каким-то причмокиванием.
"Greetings, O brothers," he said, "brothers of old time before I went away with the off-shore wind."	- Привет, о братья, - сказал он, - братья тех лет, когда я жил среди вас и попутный ветер еще не унес меня в море.
He stepped out with both feet on the sand, and Opee-Kwan waved him back.	Он ступил на песок другой ногой, но Опи-Куон замахал на него руками.
"Thou art dead, Nam-Bok," he said.	- Ты умер, Нам-Бок, - сказал он.
Nam-Bok laughed.	Нам-Бок рассмеялся.
"I am fat."	- Взгляни, какой я толстый.

"Dead men are not fat," Opee-Kwan confessed.	- Мертвые не бывают толстыми, - согласился Опи-Куон.
"Thou hast fared well, but it is strange.	- Ты хорошо упитан, но это странно.
No man may mate with the off-shore wind and come back on the heels of the years."	Еще ни один человек, ушедший с береговым ветром, не возвращался по пятам лет.
"I have come back," Nam-Bok answered simply.	- Я возвратился, - просто ответил Нам-Бок.
"Mayhap thou art a shadow, then, a passing shadow of the Nam-Bok that was.	- Тогда, быть может, ты тень. Проходящая тень Нам-Бока, который был.
Shadows come back."	Тени возвращаются.
"I am hungry.	- Я голоден.
Shadows do not eat."	Тени не едят.
But Opee-Kwan doubted, and brushed his hand across his brow in sore puzzlement.	Но Опи-Куон был смущен и в мучительном сомнении провел рукой по лбу.
Nam-Bok was likewise puzzled, and as he looked up and down the line found no welcome in the eyes of the fisherfolk.	Нам-Бок тоже был смущен; он обводил глазами лица стоявших перед ним рыбаков и не видел в них приветов.
The men and women whispered together.	Мужчины и женщины шепотом переговаривались между собой.
The children stole timidly back among their elders, and bristling dogs fawned up to him and sniffed suspiciously.	Дети робко жались за спины старших, а собаки, ошетинившись, скалили морды и подозрительно нюхали воздух.
"I bore thee, Nam-Bok, and I gave thee suck when thou wast little," Bask-Wah-Wan whimpered, drawing closer; "and shadow though thou be, or no shadow, I will give thee to eat now."	- Я родила тебя, Нам-Бок, и кормила тебя грудью, когда ты был маленький, - жалостливо молвила Баск-Ва-Ван, подходя ближе. - И тень ты или не тень, я и теперь дам тебе поесть.
Nam-Bok made to come to her, but a growl of fear and menace warned him back.	Нам-Бок шагнул было к ней, но испуганные и угрожающие возгласы заставили его остановиться.
He said something angrily in a strange tongue, and added,	Он сказал на непонятном языке что-то очень похожее на "о черт!" и добавил:
"No shadow am I, but a man."	- Я человек, а не тень.
"Who may know concerning the things of mystery?" Opee-Kwan demanded, half of himself and half of his tribespeople.	- Что можно знать, когда дело касается неведомого? - спросил Опи-Куон отчасти у самого себя, отчасти обращаясь к своим соплеменникам.
"We are, and in a breath we are not. If the man may become shadow, may not the shadow become man?"	- Сейчас мы есть, но один вздох - и нас нет.

Nam-Bok was, but is not.	
This we know, but we do not know if this be Nam-Bok or the shadow of Nam-Bok."	Это мы знаем, но мы не знаем, Нам-Бок ты или его тень?
Nam-Bok cleared his throat and made answer.	Нам-Бок откашлялся и ответил так:
"In the old time long ago, thy father's father, Opee-Kwan, went away and came back on the heels of the years.	- В давно прошедшие времена, Опи-Куон, отец твоего отца ушел и возвратился по пятам лет.

Nor was a place by the fire denied him.	И ему не отказали в месте у очага.
It is said ..." He paused significantly, and they hung on his utterance.	Говорили... - Он значительно помолчал, и все замерли, ожидая, что он скажет.
"It is said," he repeated, driving his point home with deliberation, "that Sipsip, his klooch, bore him two sons after he came back."	- Говорили, - повторил он внушительно, рассчитывая на эффект своих слов, - что Сипсип, его жена, принесла ему двух сыновей после его возвращения.
"But he had no doings with the off-shore wind," Opee-Kwan retorted.	- Но он не вверялся береговому ветру, - возразил Опи-Куон.
"He went away into the heart of the land, and it is in the nature of things that a man may go on and on into the land."	- Он ушел в глубь суши, а это так уж положено, что по суше человек может ходить сколько угодно.
"And likewise the sea.	- Так же точно и по морю.
But that is neither here nor there.	Но не в том дело.
It is said ... that thy father's father told strange tales of the things he saw."	Говорили... будто отец твоего отца рассказывал удивительные истории о том, что он видел.
"Ay, strange tales he told."	- Да, он рассказывал удивительные истории.
"I, too, have strange tales to tell," Nam-Bok stated insidiously.	- Мне тоже есть что порассказать, - хитро заявил Нам-Бок.
And, as they wavered, "And presents likewise."	И, заметив колебания слушателей, добавил: - Я привез и подарки.
He pulled from the bidarka a shawl, marvelous of texture and color, and flung it about his mother's shoulders.	Он достал из своей лодки шаль дивной мягкости и окраски и набросил ее на плечи матери.
The women voiced a collective sigh of admiration, and old Bask-Wah-Wan ruffled the gay material and patted it and crooned in childish joy.	У женщин вырвался дружный вздох восхищения, а старая Баск-Ва-Ван стала щупать и гладить рукой яркую ткань, напевая от восторга, как ребенок.
"He has tales to tell," Koogah muttered.	- У него есть что рассказать, - пробормотал Кугах.
"And presents," a woman seconded.	- И он привез подарки, - откликнулись женщины.
And Opee-Kwan knew that his people were eager, and further, he was aware himself of an itching curiosity concerning those untold tales.	Опи-Куон видел, что его соплеменникам не терпится послушать чудесные рассказы, да и его самого разбирало любопытство.
"The fishing has been good," he said judiciously, "and we have oil in plenty.	- Улов был хороший, - сказал он рассудительно, - и жира у нас вдоволь.
So come, Nam-Bok, let us feast."	Так пойдем, Нам-Бок, попируем.
Two of the men hoisted the bidarka on their shoulders and carried it up to the fire.	Двое мужчин взвалили байдарку на плечи и понесли ее к костру.
Nam-Bok walked by the side of Opee-Kwan, and the villagers followed after, save those of the women who lingered a moment to lay caressing fingers on the shawl.	Нам-Бок шел рядом с Опи-Куоном, прочие жители селения следовали за ними, и только несколько женщин задержались на минутку, чтобы любовно потрогать шаль.

There was little talk while the feast went on, though many and curious were the glances stolen at the son of Bask-Wah-Wan.	Пока шел пир, разговору было мало, зато много любопытных взглядов украдкой было брошено на сына Баск-Ва-Ван.
This embarrassed him-not because he was modest of spirit, however, but for the fact that the stench of the seal-oil had robbed him of his appetite, and that he keenly desired to conceal his feelings on the subject.	Это стесняло его, но не потому, что он был скромного нрава, а потому, что вонь тюленьего жира лишила его аппетита; ему же во что бы то ни стало хотелось скрыть это обстоятельство.
"Eat; thou art hungry," Opee-Kwan commanded, and Nam-Bok shut both his eyes and shoved his fist into the big pot of putrid fish.	- Ешь, ты голоден, - приказал Опи-Куон, и Нам-Бок, закрыв глаза, сунул руки в горшок с тухлой рыбой.

"La la, be not ashamed.	- Ля-ля, не стесняйся.
The seal were many this year, and strong men are ever hungry."	Тюленей эти годы было много, а сильные мужчины всегда голодны.
And Bask-Wah-Wan sopped a particularly offensive chunk of salmon into the oil and passed it fondly and dripping to her son.	И Баск-Ва-Ван обмакнула в жир особенно отвратительный кусок рыбы и, закапав все кругом, нежно протянула его сыну.
In despair, when premonitory symptoms warned him that his stomach was not so strong as of old, he filled his pipe and struck up a smoke.	Однако некоторые зловещие симптомы скоро оповестили Нам-Бока, что желудок его не так вынослив, как в былые времена, и он в отчаянии поспешил набить трубку и закурить.
The people fed on noisily and watched.	Люди шумно ели и наблюдали за ним.
Few of them could boast of intimate acquaintance with the precious weed, though now and again small quantities and abominable qualities were obtained in trade from the Eskimos to the northward.	Не многие из них могли похвастаться близким знакомством с этим драгоценным зельем, хотя оно порой попадало к ним - понемножку и самого скверного сорта - от северных эскимосов в обмен на другие товары.
Koogah, sitting next to him, indicated that he was not averse to taking a draw, and between two mouthfuls, with the oil thick on his lips, sucked away at the amber stem.	Кугах, сидевший рядом с ним, дал ему понять, что и он не прочь бы разок затянуться, и в промежутке между двумя кусками рыбы вложил в рот янтарный мундштук и принялся посасывать его вымазанными жиром губами.
And thereupon Nam-Bok held his stomach with a shaky hand and declined the proffered return.	Увидев это, Нам-Бок дрожащей рукой схватился за живот и отвел протянутую обратно трубку.
Koogah could keep the pipe, he said, for he had intended so to honor him from the first.	Пусть Кугах оставит трубку себе, сказал он, потому что он с самого начала намеревался почтить его этим подношением.
And the people licked their fingers and approved of his liberality.	И все стали облизывать пальцы и хвалить щедрость Нам-Бока.
Opee-Kwan rose to his feet.	Опи-Куон поднялся.
"And now, O Nam-Bok, the feast is ended, and we would listen concerning the strange things you have seen."	- А теперь, о Нам-Бок, пир кончен, и мы хотим послушать об удивительных вещах, которые ты видел.
The fisherfolk applauded with their hands, and gathering about them their work, prepared to listen.	Рыбаки захлопали в ладоши и, разложив около себя свою работу, приготовились слушать.

The men were busy fashioning spears and carving on ivory, while the women scraped the fat from the hides of the hair seal and made them pliable or sewed muclucs with threads of sinew.	Мужчины строгали копья и занимались резьбой по кости, а женщины соскабливали жир с котиковых шкур и разминали их и шили одежду нитками из сухожилий.
Nam-Bok's eyes roved over the scene, but there was not the charm about it that his recollection had warranted him to expect.	Нам-Бок окинул взглядом всю эту картину и не увидел в ней той прелести, какую, по воспоминаниям, ожидал найти.
During the years of his wandering he had looked forward to just this scene, and now that it had come he was disappointed.	В годы своих скитаний он с удовольствием рисовал себе такую именно картину, но сейчас, когда она была перед его глазами, он чувствовал разочарование.
It was a bare and meagre life, he deemed, and not to be compared to the one to which he had become used.	Убогая и жалкая жизнь, думалось ему; она не идет ни в какое сравнение с жизнью, к которой он теперь привык.
Still, he would open their eyes a bit, and his own eyes sparkled at the thought.	Все-таки кое-что им расскажет, он приоткроет им глаза, - и при этой мысли глаза его заблестели.
"Brothers," he began, with the smug complacency of a man about to relate the big things he has done, "it was late summer of many summers back, with much such weather as this promises to be, when I went away.	- Братья, - начал он с благодушным самодовольством человека, готовящегося поведать о своих подвигах. - Братья, когда много лет назад я ушел от вас, было позднее лето и погода стояла такая точно, какая обещает быть сейчас.
You all remember the day, when the gulls flew low, and the wind blew strong from the land, and I could not hold my bidarka against it.	Вы все помните тот день: чайки летали низко, с суши дул сильный ветер, и я не мог одолеть его на своей байдарке.
I tied the covering of the bidarka about me so that no water could get in, and all of the night I fought with the storm.	Я плотно затянул крышку, чтобы вода не попала внутрь, и всю ночь боролся с бурей.
And in the morning there was no land,-only the sea,-and the off-shore wind held me close in its	А утром земли уже не было видно - одно море - и ветер с суши по-прежнему держал меня в руках и гнал

arms and bore me along.	перед собой.
Three such nights whitened into dawn and showed me no land, and the off-shore wind would not let me go.	Три раза ночь сменялась бледным рассветом, а земли все не было видно, и береговой ветер все не отпускал меня.
"And when the fourth day came, I was as a madman.	И когда наступил четвертый день, я был как безумный.
I could not dip my paddle for want of food; and my head went round and round, what of the thirst that was upon me.	Я не мог работать веслом, потому что ослабел от голода, а голова моя кружилась и кружилась -так меня мучила жажда.
But the sea was no longer angry, and the soft south wind was blowing, and as I looked about me I saw a sight that made me think I was indeed mad."	Но море уже утихло, и дул теплый южный ветер, и когда я посмотрел вокруг, то увидел такое зрелище, что подумал, не сошел ли я и вправду с ума.
Nam-Bok paused to pick away a sliver of salmon lodged between his teeth, and the men and women, with idle hands and heads craned forward, waited.	Нам-Бок остановился, чтобы вытащить волоконце лососины, застрявшее в зубах, а окружавшие его мужчины и женщины ждали, бросив работу и вытянув шеи.
"It was a canoe, a big canoe.	- Это была лодка, большая лодка.

If all the canoes I have ever seen were made into one canoe, it would not be so large."	Если все лодки, какие я когда-либо видел, сложить в одну, она все-таки не будет такой большой.
There were exclamations of doubt, and Koogah, whose years were many, shook his head.	Послышались возгласы сомнений, и Кугах, насчитывавший много лет жизни, покачал головой.
"If each bidarka were as a grain of sand," Nam-Bok defiantly continued, "and if there were as many bidarkas as there be grains of sand in this beach, still would they not make so big a canoe as this I saw on the morning of the fourth day.	- Если б каждая байдарка была все равно что песчинка, - продолжал утверждать Нам-Бок, - и если б байдарок было столько, сколько песчинок на этом берегу, и то из них не составила бы такая большая лодка, какую я увидел на четвертый день.
It was a very big canoe, and it was called a schooner.	Это была очень большая лодка, и называлась она шхуна.
I saw this thing of wonder, this great schooner, coming after me, and on it I saw men--"	Я увидел, что эта чудесная лодка, эта большая шхуна идет прямо на меня, а на ней люди...
"Hold, O Nam-Bok!" Opee-Kwan broke in.	- Стой, о Нам-Бок! - воскликнул Опи-Куон.
"What manner of men were they?-big men?"	- Какие это были люди? Большие люди?
"Nay, mere men like you and me."	- Нет, они были, как ты и я.
"Did the big canoe come fast?"	- Большая лодка шла быстро?
"Ay."	- Да.
"The sides were tall, the men short." Opee-Kwan stated the premises with conviction.	Лодка была большая, люди маленькие, - отметил для точности Опи-Куон.
"And did these men dip with long paddles?"	- И люди гребли длинными веслами?
Nam-Bok grinned.	Нам-Бок усмехнулся.
"There were no paddles," he said.	- Весел не было вовсе, - сказал он.
Mouths remained open, and a long silence dropped down.	Разинутые рты открылись еще шире, и наступила продолжительная тишина.
Ope-Kwan borrowed Koogah's pipe for a couple of contemplative sucks.	Опи-Куон попросил у Кугаха трубку и несколько раз задумчиво затянулся.
One of the younger women giggled nervously and drew upon herself angry eyes.	Одна из молодых женщин нервно хихикнула, чем навлекла на себя гневные взгляды.
"There were no paddles?" Opee-Kwan asked softly, returning the pipe.	- Значит, весел не было? - тихо спросил Опи-Куон, возвращая трубку.
"The south wind was behind," Nam-Bok explained.	- Южный ветер дул сзади, - пояснил Нам-Бок.
"But the wind drift is slow."	- Но ветер гонит лодку медленно.
"The schooner had wings-thus."	- У шхуны были крылья - вот так.
He sketched a diagram of masts and sails in the sand, and the men crowded around and studied it.	Он набросал на песке схему мачт и парусов, и мужчины, столпившись вокруг, стали изучать ее.
The wind was blowing briskly, and for more graphic elucidation he seized the corners of his mother's shawl and spread them out till it bellied like a sail.	Дул резкий ветер, и для большей наглядности Нам-Бок схватил за концы материнскую шаль и растянул ее, так что она надулась, как парус.

Bask Wah-Wan scolded and struggled, but was blown down the breach for a score of feet and left breathless and stranded in a heap of driftwood.	Баск-Ва-Ван бранилась и отбивалась, но ветер подхватил ее и потащил по берегу; шагах в двадцати, еле дыша, она упала на кучу прибитых морем щепок.
The men uttered sage grunts of comprehension, but Koogah suddenly tossed back his hoary head.	Мужчины кричали с понимающим видом, но Кугах вдруг откинул назад свою седую голову.
"Ho!"	- Хо!
Ho!" he laughed.	Хо! - расхохотался он.
"A foolish thing, this big canoe!"	- Одна глупость, эта твоя большая лодка!
A most foolish thing!	Чистая глупость!
The plaything of the wind!	Игрушка ветра!
Wheresoever the wind goes, it goes too.	Куда ветер подует, туда и она.
No man who journeys therein may name the landing beach, for always he goes with the wind, and the wind goes everywhere, but no man knows where."	В такой лодке не знаешь к какому берегу пристанешь, потому что она плывет всегда по ветру, а ветер дует куда ему вздумается, и никому не известно, в какую сторону он подует сейчас.
"It is so," Opee-Kwan supplemented gravely.	- Да, это так, - важно подтвердил Опи-Куон.
"With the wind the going is easy, but against the wind a man striveth hard; and for that they had no paddles these men on the big canoe did not strive at all."	- По ветру идти легко, но, когда ветер противный, человеку приходится сильно бороться; а раз весел у этих людей на большой лодке не было, значит, они вовсе не могли бороться.
"Small need to strive," Nam-Bok cried angrily.	- Очень им нужно было бороться! - сердито воскликнул Нам-Бок.
"The schooner went likewise against the wind."	- Шхуна идет и против ветра.
"And what said you made the sch-sch-schooner go?" Koogah asked, tripping craftily over the strange word.	- А что, ты говорил, заставляет шх... шх... шхуну двигаться? - спросил Кугах, ловко одолев незнакомое слово.
"The wind," was the impatient response.	- Ветер, - последовал нетерпеливый ответ.
"Then the wind made the sch-sch-schooner go against the wind."	- Ветер заставляет шх... шх... шхуну двигаться против ветра?
Old Koogah dropped an open leer to Opee-Kwan, and, the laughter growing around him, continued: "The wind blows from the south and blows the schooner south.	- Тут старый Кугах без стеснения подмигнул Опи-Куону и под общий смех продолжал: - Ветер дует с юга, а шхуну гонит на юг.
The wind blows against the wind.	Ветер дует против ветра.
The wind blows one way and the other at the same time.	Ветер дует сразу и в ту и в другую сторону.
It is very simple.	Это очень просто.
We understand, Nam-Bok.	Мы поняли, Нам-Бок.
We clearly understand."	Мы все поняли.
"Thou art a fool!"	- Ты глупец!

"Truth falls from thy lips," Koogah answered meekly.	- Уста твои говорят правду, - ответил Кугах кротко.
"I was over-long in understanding, and the thing was simple."	- Я слишком долго не мог понять самую простую вещь.
But Nam-Bok's face was dark, and he said rapid words which they had never heard before.	Лицо Нам-Бока помрачнело, и он быстро проговорил какие-то слова, которых раньше они никогда не слышали.
Bone-scratching and skin-scraping were resumed, but he shut his lips tightly on the tongue that could not be believed.	Все снова принялись кто резать по кости, кто очищать шкуры, но он крепко сжал губы, чтобы не вырвались у него слова, которым все равно никто не поверит.
"This sch-sch-schooner," Koogah imperturbably asked; "it was made of a big tree?"	- Эта шх... шх... шхуна, - невозмутимо спросил Кугах, - она была сделана из большого дерева?
"It was made of many trees," Nam-Bok snapped shortly.	- Она была сделана из многих деревьев, - отрезал Нам-Бок.
"It was very big."	- Она была очень большая.
He lapsed into sullen silence again, and Opee-Kwan nudged Koogah, who shook his head with slow amazement and murmured,	Он опять угрюмо замолчал, а Опи-Куон подтолкнул Кугаха, который в недоверчивом изумлении покачал головой и прошептал:

"It is very strange."	- Удивительное дело.
Nam-Bok took the bait.	Нам-Бок попался на удочку.
"That is nothing," he said airily; "you should see the steamer."	- Это еще что, - сказал он легкомысленно, - а вот посмотрели бы вы на пароход.
As the grain of sand is to the bidarka, as the bidarka is to the schooner, so the schooner is to the steamer.	Во сколько раз байдарка больше песчинки, во столько раз шхуна больше байдарки, во столько раз пароход больше шхуны.
Further, the steamer is made of iron.	К тому же пароход сделан из железа.
It is all iron."	Он весь железный.
"Nay, nay, Nam-Bok," cried the head man; "how can that be?"	- Нет, нет, Нам-Бок, - воскликнул старшина, - как это может быть?
Always iron goes to the bottom.	Железо всегда идет ко дну.
For behold, I received an iron knife in trade from the head man of the next village, and yesterday the iron knife slipped from my fingers and went down, down, into the sea.	Вот послушай: у старшины соседнего селения я выменял нож, и вчера нож выскользнул у меня из рук и сразу пошел вниз, в самую глубь моря.
To all things there be law.	Всеу есть закон.
Never was there one thing outside the law.	У каждой вещи свой закон.
This we know.	Мы знаем.
And, moreover, we know that things of a kind have the one law, and that all iron has the one law.	Больше того: мы знаем, что для всех одинаковых вещей закон один, и потому для всего железного закон тоже один.
So unsay thy words, Nam-Bok, that we may yet honor thee."	Так что отрекись от своих слов, Нам-Бок, чтоб мы не потеряли к тебе уважение.

"It is so," Nam-Bok persisted.	- Но это так, - стоял на своем Нам-Бок.
"The steamer is all iron and does not sink."	- Пароход весь железный, а не тонет.
"Nay, nay; this cannot be."	- Нет, нет, этого не может быть.
"With my own eyes I saw it."	- Я видел своими глазами.
"It is not in the nature of things."	- Это противно природе вещей.
"But tell me, Nam-Bok," Koogah interrupted, for fear the tale would go no farther, "tell me the manner of these men in finding their way across the sea when there is no land by which to steer."	- Но скажи мне, Нам-Бок, - перебил Кугах, опасаясь, как бы рассказ на этом не прекратился.- Скажи мне, как эти люди находят дорогу в море, если не видно берега?
"The sun points out the path."	- Солнце показывает им дорогу.
"But how?"	- Но как?
"At midday the head man of the schooner takes a thing through which his eye looks at the sun, and then he makes the sun climb down out of the sky to the edge of the earth."	- У старшины шхуны есть такая штука, через которую смотрят на солнце, и вот в полдень он берет ее, и смотрит, и заставляет солнце сойти с неба на край земли.
"Now this be evil medicine!" cried Opee-Kwan, aghast at the sacrilege.	- Но это колдовство! - ошеломленный таким святотатством, закричал Опи-Куон.
The men held up their hands in horror, and the women moaned.	Мужчины в ужасе подняли руки, женщины заголосили.
"This be evil medicine."	- Это гнусное колдовство!
It is not good to misdirect the great sun which drives away the night and gives us the seal, the salmon, and warm weather."	Очень нехорошо отклонять великое солнце от его пути: оно прогоняет ночь и дает нам тюленей, лососину и тепло.
"What if it be evil medicine?" Nam-Bok demanded truculently.	- Что из того, что это колдовство? - грубо спросил Нам-Бок.
"I, too, have looked through the thing at the sun and made the sun climb down out of the sky."	- Я тоже смотрел сквозь эту вещь на солнце и заставлял солнце сходить с неба.
Those who were nearest drew away from him hurriedly, and a woman covered the face of a child at her breast so that his eye might not fall upon it.	Сидевшие поблизости поспешно отодвинулись, и одна женщина накрыла лицо ребенка, лежавшего на руках, чтобы не упал на него взгляд Нам-Бока.
"But on the morning of the fourth day, O Nam-Bok," Koogah suggested; "on the morning of the fourth day when the sch-sch-schooner came after thee?"	- Что же было на утро четвертого дня, когда шх... шх... шхуна погналась за тобой?
	- У меня так мало оставалось сил, что я не мог

"I had little strength left in me and could not run away.	уйти от нее.
So I was taken on board and water was poured down my throat and good food given me.	И вот меня взяли на борт, влили в горло воду и дали хорошую пищу.
Twice, my brothers, you have seen a white man.	Братья мои, мы видели только двух белых людей.
These men were all white and as many as have I fingers and toes.	А на шхуне люди все были белые, и было их столько, сколько у меня пальцев на руках и ногах.

And when I saw they were full of kindness, I took heart, and I resolved to bring away with me report of all that I saw.	И когда я увидел, что они добры, я осмелел и решил все запоминать, чтобы потом рассказать вам, что я видел.
And they taught me the work they did, and gave me good food and a place to sleep.	И они научили меня своей работе, и кормили хорошей пищей, и отвели мне место для сна.
"And day after day we went over the sea, and each day the head man drew the sun down out of the sky and made it tell where we were.	И мы день за днем плыли по морю, и каждый день старшина стаскивал солнце с неба и заставлял его говорить, где мы находимся.
And when the waves were kind, we hunted the fur seal and I marvelled much, for always did they fling the meat and the fat away and save only the skin."	И когда море бывало милостиво, мы охотились на котиков, и я очень удивлялся, потому что эти люди выбрасывали мясо и жир и оставляли себе только шкуры.
Opee-Kwan's mouth was twitching violently, and he was about to make denunciation of such waste when Koogah kicked him to be still.	Опи-Куон скривил рот и готов уже был высмеять подобную расточительность, но Кугах толчком заставил его молчать.
"After a weary time, when the sun was gone and the bite of the frost come into the air, the head man pointed the nose of the schooner south.	- Потом наступило трудное время - солнце ушло и мороз стал больно жечь кожу; и тогда старшина повернул шхуну на юг.
South and east we traveled for days upon days, with never the land in sight, and we were near to the village from which hailed the men--"	Долгие дни мы плыли на юг и на восток, ни разу не увидав земли, и вот уже стали приближаться к селению, откуда все они были родом...
"How did they know they were near?" Opee-Kwan, unable to contain himself longer, demanded.	- Почему они знали, что приближаются? -спросил Опи-Куон, который больше не в силах был сдержать себя.
"There was no land to see."	- Ведь земли не было видно.
Nam-Bok glowered on him wrathfully.	Нам-Бок метнул на него яростный взгляд.
"Did I not say the head man brought the sun down out of the sky?"	- Разве я не сказал, что старшина спускал солнце с неба?
Koogah interposed, and Nam-Bok went on.	Но Кугах успокоил Опи-Куона, и Нам-Бок продолжал:
"As I say, when we were near to that village a great storm blew up, and in the night we were helpless and knew not where we were--"	- Так вот, я говорю, когда мы стали приближаться к тому селению, разразилась сильная буря, и в темноте мы были беспомощны, так как не знали, где находимся...
"Thou hast just said the head man knew--"	- Ты только что говорил, что старшина знал...
"Oh, peace, Opee-Kwan.	- Молчи, Опи-Куон!
Thou art a fool and cannot understand.	Ты дурак и не понимаешь.
As I say, we were helpless in the night, when I heard, above the roar of the storm, the sound of the sea on the beach.	Я говорю, в темноте мы были беспомощны, и вдруг сквозь рев бури я услышал шум прибоя.
And next we struck with a mighty crash and I was in the water, swimming.	И тотчас мы обо что-то ударились, и я очутился в воде и поплыл.

It was a rock-bound coast, with one patch of beach in many miles, and the law was that I should dig my hands into the sand and draw myself clear of the surf.	Берег был скалистый, и скалы тянулись на много миль, и только в одном месте была узенькая песчаная полоска, но мне суждено было выбраться из бурунов.
The other men must have pounded against the rocks, for none of them came ashore but the head man, and him I knew only by the ring on his finger.	Другие, должно быть, разбились о скалы, потому что ни одного из них не оказалось на берегу, кроме старшины, - я узнал его только по кольцу на пальце.
"When day came, there being nothing of the schooner, I turned my face to the land and journeyed into it that I might get food and look upon the faces of the people.	Когда наступил день и я убедился, что от шхуны ничего не осталось, я обратил свой взгляд на сушу и пошел в глубь ее, чтобы добыть себе пищу и увидеть человеческие лица.
And when I came to a house I was taken in and	Когда я подошел к жилью, то меня впустили и дали

given to eat, for I had learned their speech, and the white men are ever kindly.	поест, потому что белые люди добры, а я выучился говорить на их языке.
And it was a house bigger than all the houses built by us and our fathers before us."	И дом, в который я попал, был больше, чем все дома, построенные нами, и больше тех, что до нас строили себе наши отцы.
"It was a mighty house," Koogah said, masking his unbelief with wonder.	- Велик же был этот дом, - сказал Кугах, скрывая свое недоверие под видом изумления.
"And many trees went into the making of such a house," Opee-Kwan added, taking the cue.	- И на постройку его пошло много деревьев, в тон ему подхватил Опи-Куон.
"That is nothing." Nam-Bok shrugged his shoulders in belittling fashion.	- Этот дом - еще пустяки, - пренебрежительно пожал плечами Нам-Бок.
"As our houses are to that house, so that house was to the houses I was yet to see."	- Как наши дома малы по сравнению с ним, так этот дом был мал по сравнению с теми, что я увидел потом.
"And they are not big men?"	- А люди там тоже были большие?
"Nay; mere men like you and me," Nam-Bok answered.	- Нет, люди были, как ты и я, - отвечал Нам-Бок.
"I had cut a stick that I might walk in comfort, and remembering that I was to bring report to you, my brothers, I cut a notch in the stick for each person who lived in that house.	- Я срезал себе палку, чтобы удобно было ходить, и, помня, что я обо всем должен рассказать вам, братья, на каждого из живших в этом доме я сделал на своей палке по зарубке.
And I stayed there many days, and worked, for which they gave me money-a thing of which you know nothing, but which is very good.	И я прожил там много дней и работал, и за это мне давали деньги, - и вы не знаете, что это такое, но это очень хорошая вещь.
"And one day I departed from that place to go farther into the land.	Потом я ушел с этого места и отправился еще дальше.
And as I walked I met many people, and I cut smaller notches in the stick, that there might be room for all.	По дороге я встречал много народа и стал делать на палке зарубки поменьше, чтобы всем хватило места.
Then I came upon a strange thing.	И вдруг я увидел что-то совсем удивительное.
On the ground before me was a bar of iron, as big in thickness as my arm, and a long step away was another bar of iron--"	На земле передо мной лежала железная полоса толщиной в мою руку, а через широкий шаг от нее лежала другая железная полоса...

"Then wert thou a rich man," Opee-Kwan asserted; "for iron be worth more than anything else in the world.	- Значит, ты стал богатым человеком, - заключил Опи-Куон, - потому что железо дороже всего на свете.
It would have made many knives."	Из этих полос получилось бы много ножей.
"Nay, it was not mine."	- Но это железо было не мое.
"It was a find, and a find be lawful."	- Это была находка, и она принадлежит тому, кто нашел.
"Not so; the white men had placed it there.	- Нет. Эти полосы положили белые люди.
And further, these bars were so long that no man could carry them away-so long that as far as I could see there was no end to them."	Кроме того, полосы эти такие длинные, что ни один человек не мог бы их унести, такие длинные, что, сколько я ни смотрел, конца им не видел.
"Nam-Bok, that is very much iron," Opee-Kwan cautioned.	- Нам-Бок, не слишком ли это много железа? - предостерегающе заметил Опи-Куон.
"Ay, it was hard to believe with my own eyes upon it; but I could not gainsay my eyes.	- Да, мне самому трудно было поверить, хотя они лежали перед моими глазами; но глаза меня не обманывали.
And as I looked I heard ..." He turned abruptly upon the head man.	Я стоял и смотрел и вдруг услышал... - Он быстро повернулся к старшине.
"Opee-Kwan, thou hast heard the sea-lion bellow in his anger.	- Опи-Куон, ты знаешь, как ревет разгневанный морской лев?
Make it plain in thy mind of as many sea-lions as there be waves to the sea, and make it plain that all these sea-lions be made into one sea-lion, and as that one sea-lion would bellow so bellowed the thing I heard."	Представь себе столько морских львов, сколько волн в море, и представь себе, что все эти морские львы соединились в одного льва, - и вот если б заревел такой лев, то рев его был бы подобен тому, который я услышал.
The fisherfolk cried aloud in astonishment, and Opee-Kwan's jaw lowered and remained lowered.	Рыбаки в изумлении громко вскрикнули, а у Опи-Куона отвисла челюсть.
"And in the distance I saw a monster like unto a	- И вдалеке я увидел чудовище, равное тысяче

thousand whales.	китов.
It was one-eyed, and vomited smoke, and it snorted with exceeding loudness.	Оно было одноглазое, и изрыгало дым, и оглушительно фыркало.
I was afraid and ran with shaking legs along the path between the bars.	У меня от страха задрожали ноги, но я побежал по тропинке между двумя железными полосами.
But it came with speed of the wind, this monster, and I leaped the iron bars with its breath hot on my face!!	А оно приближалось с быстротой ветра, это чудовище; и только я успел отскочить в сторону, как оно обдало мне лицо своим горячим дыханием...
Opee-Kwan gained control of his jaw again.	Опи-Куон овладел собой, челюсть его стала на место, и он спросил:
"And-and then, O Nam-Bok?"	- А потом? Что же было потом, о Нам-Бок?
"Then it came by on the bars, and harmed me not; and when my legs could hold me up again it was gone from sight.	- Потом оно промчалось по железным полосам мимо и не причинило мне вреда; а когда ноги у меня перестали трястись, оно уже исчезло из вида.
And it is a very common thing in that country.	И в той стороне это - самое обыкновенное дело.

Even the women and children are not afraid. Men make them to do work, these monsters."	Этих чудовищ не боятся даже женщины и дети, и люди заставляют их там работать.
"As we make our dogs do work?" Koogah asked, with sceptic twinkle in his eye.	- Как мы заставляем работать наших собак? -спросил Кугах, и глаза его недоверчиво блеснули.
"Ay, as we make our dogs do work."	- Да, как мы заставляем работать наших собак.
"And how do they breed these-these things?" Opee-Kwan questioned.	- А как разводятся эти... эти чудовища? - поинтересовался Опи-Куон.
"They breed not at all.	- Они не разводятся вовсе.
Men fashion them cunningly of iron, and feed them with stone, and give them water to drink.	Люди искусно делают их из железа и кормят камнями и поят водой.
The stone becomes fire, and the water becomes steam, and the steam of the water is the breath of their nostrils, and-"	Камни превращаются в огонь, вода - в пар, а этот пар и есть дыхание их ноздрей и...
"There, there, O Nam-Bok," Opee-Kwan interrupted.	- Хватит, хватит, о Нам-Бок, - прервал его Опи-Куон.
"Tell us of other wonders.	- Расскажи нам о других чудесах.
We grow tired of this which we may not understand."	Мы устали от таких, которых мы не понимаем.
"You do not understand?" Nam-Bok asked despairingly.	- Вы не понимаете? - в отчаянии вскричал Нам-Бок.
"Nay, we do not understand," the men and women wailed back.	- Нет, не понимаем, - уныло откликнулись и мужчины и женщины.
"We cannot understand."	- Мы не можем понять.
Nam-Bok thought of a combined harvester, and of the machines wherein visions of living men were to be seen, and of the machines from which came the voices of men, and he knew his people could never understand.	Нам-Бок подумал о сложных машинах, которые разом и жнут и молотят, и о машинах, показывающих изображения живых людей, и о машинах, из которых исходят человеческие голоса, - и ему стало ясно, что его народ ни за что этого не поймет.
"Dare I say I rode this iron monster through the land?" he asked bitterly.	- А если я скажу вам, что я ездил по стране на таком железном чудовище? - спросил он с горечью.
Opee-Kwan threw up his hands, palms outward, in open incredulity.	Опи-Куон развел руками, не пытаясь скрыть свое недоверие.
"Say on; say anything.	- Говори, говори. Говори, что хочешь.
We listen."	Мы слушаем.
"Then did I ride the iron monster, for which I gave money-"	- Так вот, я поехал на железном чудовище и дал за это деньги...
"Thou saidst it was fed with stone."	- Ты же сказал, что его кормят камнями.
"And likewise, thou fool, I said money was a thing of which you know nothing.	- Я ведь сказал тебе, глупец, что деньги - это такая вещь, о которой ты понятия не имеешь.

As I say, I rode the monster through the land, and through many villages, until I came to a big village on a salt arm of the sea.	Итак, я поехал на этом чудовище через всю страну и проезжал мимо многих селений, пока не приехал в большое селение на морском заливе.

And the houses shoved their roofs among the stars in the sky, and the clouds drifted by them, and everywhere was much smoke.	Дома там поднимали свои крыши к самым звездам небесным, и мимо них тянулись облака, и везде было полно дыма.
And the roar of that village was like the roar of the sea in storm, and the people were so many that I flung away my stick and no longer remembered the notches upon it."	И шум в этом селении был - как шум бурного моря, а народу было столько, что я бросил свою палку и перестал и думать о том, чтобы делать зарубки.
"Hadst thou made small notches," Koogah reproved, "thou mightst have brought report."	- Если бы ты делал маленькие зарубки, - укоризненно заметил Кугах, - ты мог бы рассказать нам все в точности.
Nam-Bok whirled upon him in anger. "Had I made small notches!	- Если бы я делал маленькие зарубки! - вне себя накинулся на него Нам-Бок.
Listen, Koogah, thou scratcher of bone!	- Слушай, Кугах, ты, который только и умеешь, что царапать на кости!
If I had made small notches neither the stick, nor twenty sticks, could have borne them-nay, not all the driftwood of all the beaches between this village and the next.	Если бы я делал даже самые маленькие зарубки, то не хватило бы не только той палки, но и двадцати палок, - нет, не хватило бы всех бревен, которые выбросил прибой на берег между этим селением и соседним.
And if all of you, the women and children as well, were twenty times as many, and if you had twenty hands each, and in each hand a stick and a knife, still the notches could not be cut for the people I saw, so many were they and so fast did they come and go."	И если б всех вас с женщинами и детьми было в двадцать раз больше и если б у каждого было по двадцати рук и в каждой руке палка и нож, все равно невозможно было бы сделать зарубки на всех людей, которых я видел, - так много их было и так быстро проходили они мимо меня.
"There cannot be so many people in all the world," Opee-Kwan objected, for he was stunned and his mind could not grasp such magnitude of numbers.	- На всем свете не может быть столько народа, - возразил Опи-Куон, ибо он был ошеломлен и не мог охватить умом таких громадных количеств.
"What dost thou know of all the world and how large it is?" Nam-Bok demanded.	- А что ты знаешь обо всем свете и о том, как он велик? - спросил Нам-Бок.
"But there cannot be so many people in one place."	- Но не может быть столько народа в одном месте.
"Who art thou to say what can be and what cannot be?"	- Кто ты такой, чтобы решать, что может быть и чего не может быть?
"It stands to reason there cannot be so many people in one place.	- Да ведь ясно, что в одном месте не может быть столько народа.
Their canoes would clutter the sea till there was no room.	Их лодки запрудили бы все море, так что негде было бы повернуться.
And they could empty the sea each day of its fish, and they would not all be fed."	И каждый день они вылавливали бы из моря всю рыбу - и все равно на всех бы ее не хватало.
"So it would seem," Nam-Bok made final answer; "yet it was so.	- Казалось бы, так оно и должно быть, - ответил Нам-Бок, заканчивая беседу.
With my own eyes I saw, and flung my stick away."	- И, однако, это правда. Я видел все собственными глазами и потому бросил свою палку.

He yawned heavily and rose to his feet.	Он зевнул во весь рот и поднялся.
"I have paddled far.	- Я приплыл издалека.
The day has been long, and I am tired.	День был долгий, и я устал.
Now I will sleep, and to-morrow we will have further talk upon the things I have seen."	Сейчас я лягу спать, а завтра мы еще поговорим о том, что я видел.
Bask-Wah-Wan, hobbling fearfully in advance, proud indeed, yet awed by her wonderful son, led him to her igloo and stowed him away among the greasy, ill-smelling furs.	Баск-Ва-Ван боязливо заковыляла вперед и гордясь своим удивительным сыном и в то же время испытывая перед ним благоговейный ужас. Она привела его в свою хижину и уложила на жирный вонючий мех.
But the men lingered by the fire, and a council was held wherein was there much whispering and low-voiced discussion.	Но мужчины остались у костра, чтобы держать совет, и на этом совете долго шептались и спорили.
An hour passed, and a second, and Nam-Bok slept, and the talk went on.	Прошел час и другой - Нам-Бок спал, а разговор у костра все продолжался.
The evening sun dipped toward the northwest, and at eleven at night was nearly due north.	Вечернее солнце склонилось к северу и в одиннадцать часов остановилось почти прямо на севере.
Then it was that the head man and the bone-scratcher separated themselves from the	Тогда старшина и резчик по кости покинули совет и

council and aroused Nam-Bok.	разбудили Нам-Бока.
He blinked up into their faces and turned on his side to sleep again.	Он, мигая со сна, взглянул им в лица и повернулся на другой бок.
Opee-Kwan gripped him by the arm and kindly but firmly shook his senses back into him.	Но Опи-Куон беззлобно, но решительно начал трясти его за плечи, пока тот совсем не пришел в себя.
"Come, Nam-Bok, arise!" he commanded.	- Ну-ну, Нам-Бок, вставай! - приказал он.
"It be time."	- Пора!
"Another feast!" Nam-Bok cried.	- Опять есть? - вскричал Нам-Бок.
"Nay, I am not hungry.	- Нет, я не голоден.
Go on with the eating and let me sleep."	Ешьте сами и дайте мне спать.
"Time to be gone!" Koogah thundered.	- Пора уходить! - заревел Кугах.
But Opee-Kwan spoke more softly.	Но Опи-Куон был не так резок.
"Thou wast bidarka-mate with me when we were boys," he said.	- Ты в паре со мной ходил на байдарке, когда мы были мальчиками, - сказал он.
"Together we first chased the seal and drew the salmon from the traps.	- Мы вместе первый раз вышли на охоту за тюленями и вытаскивали лососей из западни.
And thou didst drag me back to life, Nam-Bok, when the sea closed over me and I was sucked down to the black rocks.	И ты возвратил меня к жизни, Нам-Бок, когда море сомкнулось над моей головой и меня стало затягивать под черные скалы.
Together we hungered and bore the chill of the frost, and together we crawled beneath the one fur and lay close to each other.	Вместе мы голодали, и дрогли от холода, и заползали вдвоем под одну шкуру, и лежали рядом, тесно прижавшись друг к другу.

And because of these things, and the kindness in which I stood to thee, it grieves me sore that thou shouldst return such a remarkable liar.	Из-за всего этого, из-за того, что я дружил с тобой, мне очень жалко, что ты возвратился к нам таким необыкновенным лжецом.
We cannot understand, and our heads be dizzy with the things thou hast spoken.	Мы ничего не понимаем, и головы у нас кружатся от всего, что ты рассказал.
It is not good, and there has been much talk in the council.	Это нехорошо, и в совете было много толков.
Wherefore we send thee away, that our heads may remain clear and strong and be not troubled by the unaccountable things."	И мы решили, что ты должен уйти, чтобы не смущать нас и не туманить нам разум необъяснимыми вещами.
"These things thou speakest of be shadows," Koogah took up the strain.	- Все вещи, о которых ты говорил, - это тени, - подхватил Кугах.
"From the shadow-world thou hast brought them, and to the shadow-world thou must return them.	- Ты принес их из мира теней и в мир теней должен вернуть их.
Thy bidarka be ready, and the tribespeople wait.	Твоя байдарка готова, и люди племени ждут.
They may not sleep until thou art gone."	Они не уснут спокойно, пока ты не уйдешь.
Nam-Bok was perplexed, but hearkened to the voice of the head man.	Нам-Бок растерянно смотрел на старшину, но не перебивал его.
"If thou art Nam-Bok," Opee-Kwan was saying, "thou art a fearful and most wonderful liar; if thou art the shadow of Nam-Bok, then thou speakest of shadows, concerning which it is not good that living men have knowledge.	- Если ты Нам-Бок, - говорил Опи-Куон, - то ты поразительный и опасный лжец; если ты тень Нам-Бока, то ты говорил о тенях, а живым людям не годится знать то, что касается теней.
This great village thou hast spoken of we deem the village of shadows.	Мы думаем, что большое селение, о котором ты нам рассказал, - это жилище теней.
Therein flutter the souls of the dead; for the dead be many and the living few.	Там витают души мертвых; ибо мертвых много, а живых мало.
The dead do not come back.	Мертвые не возвращаются.
Never have the dead come back-save thou with thy wonder-tales.	Ни один мертвый еще не вернулся, ты первый с твоими удивительными рассказами.
It is not meet that the dead come back, and should we permit it, great trouble may be our portion."	Не подобает мертвым возвращаться, и если мы это допустим, нам грозит большая беда.
Nam-Bok knew his people well and was aware that the voice of the council was supreme.	Нам-Бок хорошо знал свой народ и понимал, что решение совета непреложно.
So he allowed himself to be led down to the water's edge, where he was put aboard his bidarka and a paddle thrust into his hand.	Поэтому он покорно пошел к берегу, где его посадили в байдарку и в руку сунули весло.
	Отбившийся от стаи дикий гусь одиноко кричал

A stray wildfowl honked somewhere to seaward, and the surf broke limply and hollowly on the sand.	где-то над морем, и волны с глухим плеском накатывались на песок.
A dim twilight brooded over land and water, and in the north the sun smouldered, vague and troubled, and draped about with blood-red mists.	Мутные сумерки нависли над землей и водою, а на севере слабо тлело тусклое солнце, окутанное кроваво-красным туманом.
The gulls were flying low.	Чайки летали низко.

The off-shore wind blew keen and chill, and the black-massed clouds behind it gave promise of bitter weather.	Дул резкий и холодный береговой ветер, и черные, клубящиеся тучи предвещали непогоду.
"Out of the sea thou earnest," Opee-Kwan chanted oracularly, "and back into the sea thou goest.	- Из моря ты вышел, - точно произнося заклинание, нараспев проговорил Опи-Куон, - и обратно в море уходишь.
Thus is balance achieved and all things brought to law."	Так восстановится равновесие вещей и все придет в законный порядок.
Bask-Wah-Wan limped to the froth-mark and cried,	Баск-Ва-Ван, прихрамывая, подошла поближе и закричала:
"I bless thee, Nam-Bok, for that thou remembered me."	- Благословляю тебя, Нам-Бок, ибо ты вспомнил меня!
But Koogah, shoving Nam-Bok clear or the beach, tore the shawl from her shoulders and flung it into the bidarka.	Но Кугах, оттолкнув байдарку от берега, сорвал шаль с плеч старухи и кинул ее Нам-Боку.
"It is cold in the long nights," she wailed; "and the frost is prone to nip old bones."	- Мне холодно в долгие зимние ночи, - жалобно простонала она, - мороз так и пробирает старые кости.
"The thing is a shadow," the bone-scratcher answered, "and shadows cannot keep thee warm."	- Эта вещь - тень, - ответил резчик, - а тень тебя не согреет.
Nam-Bok stood up that his voice might carry.	Нам-Бок встал, чтобы ветер донес его слова до нее.
"O Bask-Wah-Wan, mother that bore me!" he called.	- О Баск-Ва-Ван, мать, родившая меня! - воскликнул он.
"Listen to the words of Nam-Bok, thy son.	- Слушай слова Нам-Бока, твоего сына.
There be room in his bidarka for two, and he would that thou earnest with him.	В байдарке хватит места для двоих, и он хочет, чтобы ты ушла с ним.
For his journey is to where there are fish and oil in plenty.	Там, куда он держит путь, вдоволь и рыбы и жира.
There the frost comes not, and life is easy, and the things of iron do the work of men.	Мороз туда не приходит, и жизнь там легка, и железные вещи работают на человека.
Wilt thou come, O Bask-Wah-Wan?"	Пойдем со мной, о Баск-Ва-Ван!
She debated a moment, while the bidarka drifted swiftly from her, then raised her voice to a quavering treble.	Она колебалась, а байдарку тем временем относил от берега; тогда, собрав силы, она крикнула высоким, дребезжащим голосом:
"I am old, Nam-Bok, and soon I shall pass down among the shadows.	- Я стара, Нам-Бок, и скоро отойду в жилище теней.
But I have no wish to go before my time.	Но мне не хочется уходить раньше, чем пришел мой срок.
I am old, Nam-Bok, and I am afraid."	Я стара, Нам-Бок, и мне страшно.
A shaft of light shot across the dim-lit sea and wrapped boat and man in a splendor of red and gold.	Луч света брызнул на сумрачное море и озарил лодку и человека сиянием пурпура и золота.

Then a hush fell upon the fisherfolk, and only was Рыбаки притихли, и только слышался шум ветра heard the moan of the off-shore wind and the cries of да крики низко летавших чаек, the gulls flying low in the air.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)